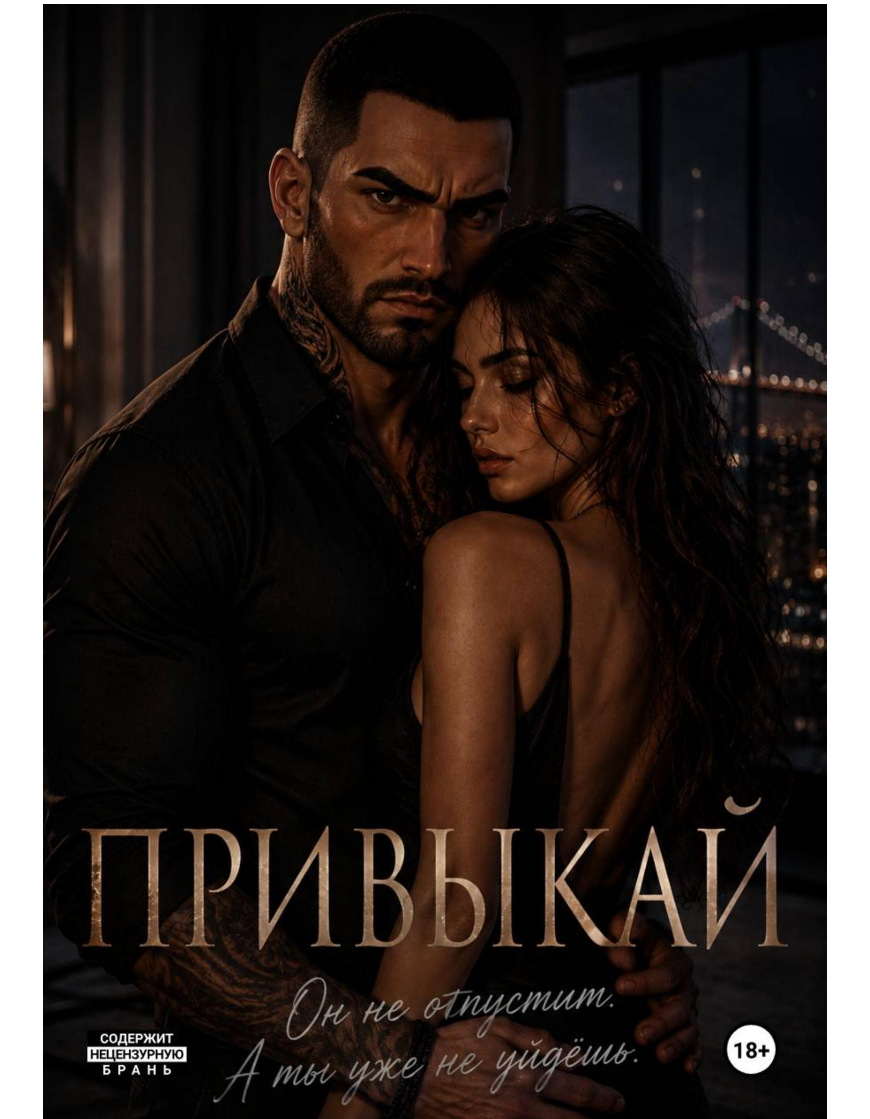

A man with a beard and tattoos, wearing a dark shirt, is embracing a woman with long dark hair from behind. They are in a dimly lit room with a city skyline visible through a window in the background. The man has a serious expression, while the woman is looking down with a soft smile.

ПРИВЫКАЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*Он не отпустит.
А ты уже не уйдёшь.*

18+

А. Кач

Привыкай

<https://litres.ru/74554358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случайная свидетельница заказного выстрела в Стамбуле вынуждена заключить фиктивный брак с опасным наследником мафиозного клана, чтобы выжить. Но попытка сбежать от его контроля на родину, в Карелию, втягивает их обоих в смертельную борьбу за свободу и власть, где главным испытанием становится разрушительная страсть друг к другу.

Содержание

Глава	4
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. МИЯ	8
ГЛАВА 2. ДЕМИР	16
ГЛАВА 3. МИЯ	23
ГЛАВА 4. ДЕМИР	33
ГЛАВА 5. МИЯ	37
ГЛАВА 6. МИЯ	44
ГЛАВА 7. ДЕМИР	53
ГЛАВА 8. МИЯ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

А. Каш

Привыкай

Глава

«Говорят, если хочешь рассмешить судьбу — расскажи ей о своих планах.

Но если хочешь довести её до безумия — начни действовать вопреки им всем».

ПРОЛОГ

Ночная трасса за пределами Стамбула тонула в липком, тяжелом тумане.

В воздухе остро пахло жжёной резиной, сырой хвоей и холодным морем, шумевшим где-то далеко внизу, под обрывом. Мотор массивного внедорожника всё ещё глухо вибрировал, выхватывая лучами фар тонкие струи моросящего дождя и две застывшие на обочине фигуры.

Мия стояла, вжав голову в плечи от резких порывов ветра. Пальцы сжались в кулаки, ногти больно впились в ладони. Она яростно смотрела на мужчину напротив, надеясь, что полумрак скроет дрожь в её коленях.

Демир не двигался. Белая рубашка с расстёгнутым воротом казалась ослепительно белой в тусклом свете габаритов. Чёрные графичные линии татуировок поднимались по его шее, теряясь за линией короткой аккуратной бороды. Спокойный. Непроницаемый. Пугающе уверенный в каждом своём жесте.

— Ты сумасшедший, — выдохнула Мия. Голос предательски дрогнул, но взгляд она не отвела. — Ты просто ненормальный, Демир. Ты не можешь вечно решать за меня.

Он медленно сократил расстояние между ними. Неторопливо, словно у них в запасе была целая вечность. Один шаг. Второй.

Мия инстинктивно подалась назад, но упёрлась спиной в холодный металл радиаторной решётки. Демир остановился в полушаге. Достаточно близко, чтобы она почувствовала тепло, исходящее от него в промозглом воздухе, и горьковатый аромат его парфюма — с нотами кардамона и табака.

— Это не отпуск, Мия, — его голос звучал тихо, почти вкрадчиво, с тем самым низким тембром, от которого по спине пробежал холодок. — И шутки закончились ещё на скале. Люди, которые знают, чьё лицо ты видела той ночью, не оставят свидетелей. Они не ведут переговоров и не слушают твоих детских споров.

— И что ты предлагаешь? — огрызнулась она, упрямо вскинув подбородок. — Спрятаться в твоём роскошном подвале? Бегать по чужим отелям?

В глазах Демира не отразилось ни капли раздражения. Лишь холодная, взвешенная твёрдость человека, который уже просчитал расклад на десяток ходов вперёд.

— У тебя есть только один способ остаться в живых, — произнёс он, не сводя с неё тяжелого взгляда. — Ты выйдешь за меня замуж.

Тишина на обочине стала оглушительной. Перестал существовать шум трассы, шелест ветра и мерный рокот мотора.

Мия замерла. Очередная едкая реплика, уже готовая сорваться с языка, застряла комом в горле. Она всматривалась в его лицо, отчаянно ища намёк на усмешку, привычный сарказм или жестокую шутку.

Ничего. Ни единого сомнения.

— Что?.. — едва слышно вытолкнула она.

Демир лишь чуть наклонил голову, глядя на неё сверху вниз.

А ведь всего две недели назад самым большим кошмаром в её жизни было дурацкое зефирно-розовое платье, выбранное матерью на её двадцатый день рождения...

ГЛАВА 1. МИЯ

Мне стукнуло двадцать.

Офигеть, какая взрослая дата. В этом возрасте нормальные люди тусуются, влюбляются, творят всякую дичь и пытаются понять, куда вообще катится их жизнь.

Я же стояла перед огромным зеркалом в своей спальне и чувствовала себя конченной куклой, которую нарядили на утренник в детский сад.

— Не дергайся, Мия, — приказала мать за спиной.

Элеонора в принципе не умела нормально просить. Она всегда отдавала приказы — тоном генерала, который строит роту придурков. Её холодные пальцы с тяжелыми кольцами резко дернули пояс у меня на талии.

Платье было чистым воплощением маминого вкуса: тонна зефирно-розового фатина, закрытая под самое горло шея и мелкие жемчужные пуговицы на спине, которые больно впились в позвоночник при каждом вдохе.

— Мам, мне двадцать, — вздохнула я, глядя на свое отражение. На голове красовалась сложная, залитая лаком конструкция, от которой уже ныли корни волос. — Я выгляжу как торт за три копейки. Может, я просто надену широкие штаны и майку?

Мать замерла. В зеркале было видно, как её лицо перекошило от ужаса:

— Штаны? В юбилей? Чтобы гости решили, будто у нашей дочери начисто отсутствует воспитание и вкус? — Она придирчиво одёрнула подол. — Я заказывала эту ткань из частного ателье за три месяца. Ты должна выглядеть как юная леди. Нежная, чистая, послушная.

«Послушная».

Блять, ну конечно. Главное, чтобы удобная была.

В дверь негромко постучали, и в щель просунулась голова папы. Он посмотрел на меня, скривился и сочувственно подмигнул:

— Элеонора, там внизу народ уже собрался. Артур пришел.

— Пусть ждет, — отрезала мать, втыкая мне в затылок очередную железную шпильку. — Мия, две минуты — и вниз. И держи спину ровно.

Как только цокот её каблуков затих в коридоре, папа подошел ближе и хлопнул меня по плечу:

— Ты выглядишь отлично. Если, конечно, не считать того, что в этом наряде тяжело сделать даже вдох.

Я не сдержала грустной усмешки:

— Пап, я задыхаюсь. И дело совсем не в корсете.

Виктор вздохнул. Пальцы на моём плече едва заметно сжались. Он всё понимал без единого слова. В этом доме отец всегда оставался моим тайным союзником, островком тепла посреди холодного королевства маминых безупречных правил.

— Иди, — тихо шепнул он. — Артур ждёт.

Внизу играл какой-то душный джаз, гостиная утопала в белых и розовых шарах, а на столах стояли безалкогольные коктейли с зонтиками. Гости — сплошь мамины подружки с натянутыми улыбками. Моих друзей тут не было. Мать сухо заявила, что молодёжные компании устроят беспорядок.

— С днем рождения, Мий.

Артур шагнул ко мне из толпы, протягивая букет крупных белых ромашек — он прекрасно помнил, как сильно меня тошнит от маминого любимого розового цвета, и всегда старался приносить то, что искренне радовало меня. Он выглядел безупречно: идеально отутюженная светлая рубашка, аккуратная стрижка, добрая, чуть смущённая улыбка.

— Спасибо, Арти, — я искренне улыбнулась, уткнувшись носом в свежие, чуть горьковатые полевые лепестки.

Он достал из кармана маленькую бархатную коробочку:

— Это тебе.

Внутри лежал тонкий серебряный браслет с маленькой летящей птицей. Простой, красивый, без пафоса.

— Блин, он офигенный, — выдохнула я, пока он застегивал замочек у меня на руке.

Артур поднял на меня глаза — светлые и влюбленные. Девяносто процентов девчонок за такой взгляд душу бы продали. Но у меня внутри всё сковало холодом. Я любила его, но как друга, как брата. А он смотрел на меня так, будто уже посчитал платежи по нашей совместной ипотеке и выбрал

цвет обоев для спальни.

Еще одна клетка. Просто с открытой дверцей.

— Минуточку внимания! — стук вилки о фужер заставил всех заткнуться.

Мать стояла в центре зала с микрофоном в руках.

— Сегодня особенный день, — начала Элеонора своим фирменным сладким голосом. — Ровно двадцать лет назад родилась моя маленькая принцесса. Время идет, но для нас она остается всё той же покладистой девочкой. Хрупким цветочком, который мы оберегаем от жестокого мира...

Я стояла рядом с Артуром, чувствуя, как внутри закипает бешеная ярость. «Маленькая». «Покладистая». «Цветочек». Гости с умилением кивали и тянули бокалы. Никто не видел человека, который стоит перед ними и тихо сходит с ума.

— ... И я уверена, — мама выразительно глянула на Артура, — что Миечка продолжит радовать нас послушанием и правильными выборами, держась за наше надежное крыло...

Всё. Планка упала.

— Хватит, — сказала я.

Музыка притихла, но слово прозвучало четко.

Мать на секунду растерялась, но тут же натянула улыбку:

— Мия, милая, ты что-то хотела сказать?

Я шагнула вперед:

— Я сказала: хватит, мам.

Улыбка сползла с её лица, оставив только злость:

— Мия, не позорь меня перед людьми...

— Да плевать мне на твоих людей! — заорала я так, что бокалы на подносах звякнули. Все вокруг тупо застыли с открытыми ртами. — Мне двадцать лет! А ты нарядила меня как клоуна, созвала своих знакомых и рассказываешь всем, какая я удобная! Я не твоя кукла. Не твой личный проект. И я больше ни дня не проживу по твоему сценарию!

Мать побелела от шока:

— Как ты смеешь... Мы дали тебе всё!

— Вы дали мне золотую клетку, — отчеканила я.

Схватив с шеи жемчужные бусы, я рванула их изо всех сил. Нить лопнула, мелкие белые шарики с треском покатались по полу, отскакивая от туфель гостей.

Я развернулась и побежала вверх по лестнице, чуть не наступая на фатиновые юбки.

В комнате я первым делом повернула замок. Руки ходили ходуном, дыхалка сбилась. Медлить было нельзя — через пару минут мама опомнится и устроит мне армагеддон.

Я с матом сдернула туфли, расстегнула молнию на спине и вылезла из этого розового кошмара, швырнув его комком в угол. Быстро влезла в светлые широкие штаны, майку и кеды. Схватила любимую дорожную сумку.

Отодвинула книги на полке и достала жестяную банку из-под чая. Моя заначка. Деньги с подработок и тайных конвертов, которые папа молча подкидывал мне в карманы куртки. На первое время хватит с головой.

Паспорт. Наушники. Зарядка.

Трясущимися пальцами открыла приложение авиабилетов. Ближайший рейс в город мечты — через четыре часа. Последнее место в экономе.

Купить.

Оплата прошла. Всё, мосты сожжены.

Я тихо приоткрыла дверь и выскользнула в темный коридор. Но у лестницы во внутренний двор из тени шагнула фигура.

Я чуть не заорала от испуга, отшатнувшись назад.

Папа.

Он стоял, привалившись к стене, и молча смотрел на мою сумку, кеды и растрепанные волосы.

— Пап, не надо... — прошептала я, давясь слезами. — Не держи меня. Я больше не вывезу этот цирк.

Отец не стал читать морали. Он молча подошел, сгреб меня в охапку и прижал так сильно, что хрустнули ребра. Я уткнулась носом в его плечо, пахнущее сигаретами и старым парфюмом, и всхлипнула.

— Знаю, — тихо сказал он мне в макушку. — Я всё знаю. Ты смелее меня.

Он отстранился и уверенно сунул мне во внутренний карман сумки пачку купюр:

— Спрячь. И выходи на связь. С матерью я сам разберусь.

Я чмокнула его в колючую щеку:

— Спасибо, пап. Я люблю тебя.

В саду меня перехватил Артур. Он стоял на дорожке с рас-

терянным лицом, всё ещё сжимая в руке бокал.

— Мия? — он уставился на мою сумку. — Ты куда собралась? Там твоя мама на взводе...

— Арти, уйди с дороги, пожалуйста, — попросила я, пытаясь обойти его по траве.

Он схватил меня за локоть:

— Из-за меня? Из-за браслета? Мий, если я перегнул, забей, я просто...

— Артур, нет! — я сжала его ладонь. — Ты вообще ни при чем. Ты офигенный, правда. Самый лучший. Но если я сейчас останусь, я просто сгнию заживо.

— Куда ты ночью? Одна?

— Далеко. Прости меня.

Я выдернула руку, толкнула калитку и выбежала на темную улицу.

Через тридцать минут я уже сидела на заднем сиденье такси, глядя на пролетающие за окном ночные фонари. Телефон в кармане разрывался от маминых звонков.

Я зажала кнопку питания. Экран погас.

В иллюминаторе самолета было только черное небо и далекие звезды. Я прижалась лбом к стеклу, чувствуя, как внутри отпускает железный зажим и накатывает бешеное, дикое чувство свободы.

Утром внизу показалась вода.

Я вышла из дверей стамбульского аэропорта прямо в шум, солнце и суету чужого города. Пахло жареным мясом, креп-

ким кофе, морем и свободой. Чайки орали над головой как ненормальные.

Я закинула сумку на плечо, зажмурилась от яркого света и заржала прямо посреди толпы.

Я сделала это. Реально сделала.

Позади остались мамины правила, розовое платье, бесконечные «нельзя» и жизнь, которую за меня кто-то уже успел расписать.

Впереди был Стамбул.

Я ещё не знала, где буду жить, чем займусь и что вообще буду делать завтра.

Но впервые за долгое время это меня не пугало.

Я была свободна.

По крайней мере, мне так казалось.

ГЛАВА 2. ДЕМИР

В нашем мире ошибки не прощают. Их закатывают в бетон или сбрасывают со скалы в Босфор.

Я сидел в кожаном кресле на верхнем этаже отеля Караханов и смотрел, как за панорамным окном догорает стамбульский закат. Город полыхал золотом и багрянцем, лениво готовясь к ночи. Для туристов Стамбул был городом мечетей, чайки над Босфором и запаха жареных каштанов. Для меня — городом сделок, обязательств и людей, которые слишком часто забывали, что за каждым решением бывают последствия.

Дверь кабинета открылась без стука. Так заходил только один человек.

Отец не выглядел на свои шестьдесят. Идеально скроенный тёмный костюм, безупречная осанка и тяжёлый, вымо-
раживающий взгляд, от которого у большинства партнёров немели пальцы. Рагип Карахан вошёл, бросил на мой стол тонкую папку и встал у окна, заложив руки за спину.

— Керем слил информацию по порту, — голос отца звучал глухо и ровно. Никаких эмоций. Так говорят о замене сломанной детали в механизме. — Думал, что самый умный.

— Он вырос на наших глазах, отец.

Рагип медленно повернул голову. В его глазах не было злости. Хуже. Там была пустота.

— Именно поэтому он должен исчезнуть тихо. Сегодня в полночь. Старый обрыв за маяком. Он будет ждать человека для переправы, но встретишь его ты.

— Я? — я чуть приподнял бровь, не отводя взгляда.

— Ты, Демир. Ты мой единственный наследник. Пора перестать марать руки только чужими исполнителями. Ты должен лично поставить точку. Семья не терпит предателей.

Отец развернулся и вышел. Дверь мягко щёлкнула.

Я остался один.

Поднялся, подошёл к зеркалу в углу кабинета и расстегнул верхние пуговицы белой рубашки. Закатал рукава до локтей. В отражении на меня смотрел двадцативосьмилетний мужик с короткой щетиной, выбритыми висками и чёрными татуировками, ползущими от ключиц по шее к челюсти. Взгляд — такой же холодный, как у отца. Только внутри всё зудело от глухой, давящей злости.

Отец думал, что дрессирует меня. Проверяет на прочность.

Но Керем не был предателем. Он был идиотом, который связался не с теми людьми, влез в долги и попытался решить проблему самым глупым способом. Это не делало его невиновным. Но и не давало мне причины превращать его в труп. У меня были свои правила, даже если вслух о них говорить не стоило.

...

К полуночи ветер на обрыве усилился.

Море внизу разбивалось о камни, а над водой висел густой туман. Вдалеке мерцали огни Стамбула, но здесь, на старом заброшенном участке побережья, почти не было света.

Четверо моих людей в чёрном оцепили периметр. Они стояли неподвижно, как тени, держа руки под распахнутыми куртками.

Керем стоял у самого края. Без шапки, в дешёвой ветровке, насквозь продрогший. Когда я подошёл ближе, он поднял на меня глаза. В них плескался чистый, животный ужас.

— Демир... — его голос сорвался, потонув в шуме прибоя. — Пожалуйста. Это не то, о чём ты думаешь. Я не трогал деньги семьи.

Я остановился в трёх шагах от него. Медленно достал пистолет из кобуры. Тяжёлый, холодный металл привычно лёг в ладонь.

— Заткнись, Керем, — тихо сказал я.

Мои люди встали полукругом, отрезая ему любой путь назад. Позади него была только бездна и ледяная вода.

— Ты знал правила, — я поднял ствол, направляя его парню прямо в грудь.

Керем зажмурился, его губы беззвучно зашевелились — то ли молился, то ли прощался с жизнью.

Я сделал шаг вперёд, прикрывая его своим телом от фар машин и глаз моих охранников. Взял курок. Сухой металлический щелчок в ночной тишине прозвучал как приговор.

— Слушай меня внимательно, идиот, — одними губами,

почти не разжимая челюстей, прошептал я так, чтобы слышал только он. — Я стреляю мимо. Ты падаешь в воду. Внизу, за рифом, тебя ждёт катер. Паспорт и деньги на борту. Если ты хоть раз ещё покажешься в Стамбуле — я лично пристрелю тебя по-настоящему. Понял?

Керем распахнул глаза. Шок на его лице был настолько явным, что я едва не врезал ему рукояткой, чтобы он перестал таращиться.

Его брови слегка нахмурились.

— Что?

— Не задавай вопросов.

Я говорил тихо, так, чтобы остальные не слышали. Несколько секунд он просто смотрел на меня. Потом в его глазах появилось понимание.

На несколько секунд всё вокруг словно застыло. Только ветер бил по лицу, а внизу грохотали волны.

Керем смотрел на меня. Я нажал на спуск. Пуля просвистела в паре сантиметров от уха Керема, и он, красиво взмахнув руками, рухнул спиной назад — прямо в бурлящую черную пену внизу.

— Чисто, босс, — подал голос старший из охраны за спиной. — Труп искать?

— Течение само унесёт в открытое море, — холодно бросил я, пряча оружие под куртку.

Я уже собирался идти к машине, когда заметил движение внизу.

Сначала мне показалось, что это тень.

Потом я увидел девушку. Она стояла возле воды, прижимая к себе телефон. Мокрые тёмные волосы лежали на плечах, светлая одежда промокла насквозь. Рядом на песке валялось покрывало, а чуть дальше лежала сумка.

Я нахмурился.

“Что она вообще здесь делала?”

Девушка подняла голову. Наши глаза встретились. И в этот момент я понял.

“Она видела нас.”

Всё.

Выстрел.

Керема.

Меня.

Я не знал, сколько времени она находилась здесь и какую часть происходящего успела заметить. Но одного её взгляда было достаточно, чтобы понять: она испугалась.

Очень сильно.

Она резко отступила назад.

Я сделал шаг вперёд.

Она развернулась и побежала.

Я выругался сквозь зубы.

— Блять... Найдите её!

Один из моих людей подошёл ближе.

— Кто это?

Я продолжал смотреть туда, где девушка исчезла в темно-

те.

— Не знаю. Но не трогать!

Я перевёл взгляд на оставленные вещи.

Покрывало.

Сумка.

Один из охранников уже собирался уйти, когда я добавил:

— И заберите её вещи.

Он кивнул и ушёл.

Я снова посмотрел на тёмную воду. Где-то далеко Керем уже должен был находиться в лодке. Живой. В безопасности. А где-то в темноте бежала девушка, которая наверняка сейчас была уверена, что только что стала свидетелем убийства.

И это было плохо. Очень плохо. Потому что она не знала правды. А я пока не знал о ней вообще ничего.

Ни имени.

Ни возраста.

Ни того, откуда она приехала.

Я только знал, что она видела меня с оружием в руке.

Странное чувство.

Я привык контролировать ситуацию. Знал, что происходит в моём отеле, в моём бизнесе, среди моих людей. Привык заранее просчитывать несколько вариантов развития событий.

Но эта девушка появилась из ниоткуда. И исчезла так же быстро.

Я не любил неизвестность. Особенно когда неизвестность

могла стоять кому-то жизни.

Я сел в машину и захлопнул дверь. Мотор ожил. В зеркале заднего вида ещё несколько секунд отражался тёмный берег. Там, где совсем недавно стоял Керем.

И там, где я впервые увидел девушку, о существовании которой ещё минуту назад даже не подозревал.

Но той ночью меня волновало только одно.

Найти её.

Живой.

И как можно скорее.

ГЛАВА 3. МИЯ

Первые часы в Стамбуле ощущались как чистый, неразбавленный кайф. Я шаталась по разноцветным переулкам, глазела на витрины со специями и горами истекающей сиропом пахлавы, уворачивалась от старинного красного трамвая и залипала на наглых толстых котов, которые спали прямо на порогах сувенирных лавок. Солнце жарило всюду, небо было пронзительно-синим, а воздух пах жареными каштанами, крепким табаком и солёной свежестью Босфора.

Я села за крошечный плетённый столик в уличной кофейне на крутом спуске, заказала кофе по-турецки в медной турке и свежий горячий симит, с которого осыпались кунжутные семечки. Подставила лицо ветру, шурилась от солнца и с глупой ухмылкой думала: *«Ну всё, блять. Я свободна. Теперь я сама решаю, кем мне быть»*.

О ночлеге я даже не думала. В кармане лежали папины деньги, телефон показывал сотни доступных хостелов в округе. Я решила, что сниму что-нибудь простое ближе к ночи — куда спешить, если впереди вечность? Мне казалось, что самое сложное уже позади. Я уехала. Сделала то, чего боялась столько лет. Теперь всё зависело только от меня.

К вечеру город накрыли густые фиолетовые сумерки. Воздух резко похолодал. У какого-то деда в подземном переходе я за копейки купила колючий шерстяной плед в синюю клет-

ку и потащилась вдоль набережной. Мне не хотелось сидеть в шумных туристических кварталах с орущими чайками. Хотелось тишины. Настоящей, звенящей пустоты, где можно наконец выдохнуть весь этот дурдом последних лет.

Ноги сами вели меня всё дальше от причалов, по заброшенным каменистым тропинкам на самую окраину. Так я вышла на дикий галечный берег. Место было глухим, диким и слегка мрачным: полоса крупной гальки у самой кромки тёмной воды, а над ней — высокая, почти отвесная стена каменистого обрыва. Где-то в полукилометре по дуге виднелись очертания старого заброшенного маяка, чьи разбитые окна слепо таращились в темноту.

Ни туристов, ни местных. Только грохот прибоя, разбивающегося о валуны, и резкий, промозглый ветер.

Идеально.

Я расстелила плед на камнях, бросила рядом сумку, натянула капюшон и села, поджав колени к подбородку. Достала телефон, воткнула наушники, врубила плейлист на полную громкость и уставилась на мерцающие вдалеке огни другого берега.

Мне хотелось встретить свои двадцать лет именно так. Одной. На краю света. Почувствовать, что мир огромный, а я в нём — живая.

Какая же сказочная, наивная дура.

Около полуночи тишину прорезал тяжёлый, натужный гул моторов. Звук пробился даже сквозь музыку в наушниках.

Я вздрогнула и выдернула один вкладыш. Сверху, прямо на краю обрыва, вспыхнули резкие, режущие темноту лучи автомобильных фар. Два огромных чёрных внедорожника встали полукругом, освещая каменистый пяточок над самой бездной.

Из машин вышли люди. Высокие, широкие мужчины в тёмных куртках. Они двигались слаженно, без лишней суеты, оцепив площадку за считанные секунды. В центре круга стоял парень — щуплый, в расстёгнутой ветровке, насквозь продрогший. Даже снизу было видно, как мелко трясутся его плечи.

А потом из темноты шагнул он.

Высокий, с прямой, пугающе неподвижной спиной. Белая рубашка с расстёгнутым воротом казалась ослепительным пятном на фоне чёрного неба. Рукава были закатаны до локтей, обнажая предплечья, сплошь забитые тёмными татуировками, которые уходили вверх по шее к самой челюсти.

В его руке тускло блеснул массивный пистолет.

Я замерла на гальке, перестав дышать. Сердце заколотилось где-то в горле, намертво перекрыв кислород. Они стояли слишком высоко, и шум волн заглушал слова. Парень что-то умолял, махая руками, а мужчина в белой рубашке поднял ствол, целясь прямо ему в грудь.

Секунда тишины — и ночную мглу разорвал сухой, оглушительный треск выстрела.

Эхо отскочило от скал, ударив по ушам. Парень в ветровке

нелепо взмахнул руками и рухнул спиной с обрыва — вниз, прямо в ревущую чёрную пену прибоя. Раздался тяжёлый всплеск, и вода сомкнулась над ним.

Я зажала рот обеими ладонями, прикусив пальцы до крови, чтобы не заорать от первобытного, парализующего ужаса. Ноги стали ватными. В голове билась одна-единственная паническая мысль: *«Он его убил. Он просто взял и застрелил человека»*.

И в эту грёбаную секунду мужчина на обрыве повернул голову. Его взгляд полоснул по пляжу — и упёрся прямо в меня.

Фары машин били ему в спину, но я отчётливо видела его лицо: жёсткие черты, выбритые виски, короткую щетину и глаза. Холодные, неподвижные глаза человека, который привык контролировать всё вокруг. Ни капли страха. Ни тени растерянности. Только расчёт.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Я не могла пошевелиться.

Он тоже не двигался.

А потом я увидела, как его взгляд изменился. Он словно мгновенно просчитывал, кто я, откуда взялась и сколько всего успела увидеть.

Я медленно попятилась назад.

Он сделал шаг к краю.

Моё сердце ухнуло куда-то вниз.

“Он меня заметил.”

Я развернулась, собираясь бежать, и именно в этот момент сверху раздался его голос:

— Блять... Найдите её!

Этого оказалось достаточно. Включился слепой, животный инстинкт беглеца. Я подорвалась с места, поскользнулась на мокром валуне, содрала ладонь до мяса, но даже боли не почувствовала — и рванула вдоль скал в темноту.

Плед, дорожная сумка, деньги, мой паспорт, сменные вещи — всё осталось там, на гальке.

В кармане моих широких штанов лежал только грёбанный айфон. Двадцать процентов заряда. Ни копейки наличных. Ни документов. Ни единого знакомого человека на тысячи километров вокруг.

Я бежала, пока лёгкие не начало раздирать от кашля. Камни сменились какой-то разбитой грунтовкой, потом — грязными задворками промзоны. Я не разбирала дороги, шараясь от каждой тени и каждого шороха. Мне казалось, что за спиной вот-вот взревут моторы, а тяжёлая рука с татуировками перехватит меня за горло.

Полный, беспросветный, феерический пиздец.

Я не знала, куда бегу. Мне было всё равно. Главное — подальше от того места.

Остаток ночи превратился в пытку. Я забилась в глухую сырую арку между какими-то старыми жилыми домами, села прямо на холодную брусчатку, вжалась в кирпичную кладку и тряслась мелкой дрожью. Кеды промокли насквозь, зу-

бы выбивали безумную дробь. Каждые пять минут мне мерещились шаги. Я вздрагивала от шороха мусорных пакетов и шипения бездомных кошек, боясь даже вздохнуть в полный голос.

К утру пошёл мерзкий, колючий дождь. Телефон мигнул экраном и окончательно сдох. Связи больше не было.

К полудню я едва передвигала ноги. Желудок скручивало от голода, в висках пульсировала тупая боль, горло драло от холода. Я выглядела как бродяжка: взъерошенные волосы, серое от усталости лицо, грязь на штанинах.

В трёх дешёвых подвальных хостелах со мной даже разговаривать не стали. Жирный мужик за стойкой первого окинул меня брезгливым взглядом и рявкнул что-то про отсутствие паспорта и полицию. В третьем хостеле молодая турчанка сочувственно развела руками: — Без регистрации и документов штраф огромный, девочка. Иди в консульство. Или вон, — она неопределенно махнула рукой в сторону широкого проспекта, — к высотке Караханов на набережной. У них там свои законы и охрана на входе, полиция туда носа не кажет. Может, договоришься за наличку.

Насчёт налички она промахнулась, но выбор у меня был невелик: либо попытаться вымолить угол там, либо упасть прямо на тротуар.

Я поплелась по проспекту, с трудом волоча ноги. Дождь усиливался, вода затекала за воротник, и через десять минут сквозь серую пелену выросла громада здания....

ОТЕЛЬ не просто выделялся среди старой застройки — он подавлял. Огромная высотка из тёмного гранита и тонированного стекла, сияющие витражи первого этажа, идеальный асфальт подъездной дорожки, на которую плавно выруливали чёрные представительские седаны.

Над массивным козырьком горели строгие латунные буквы:

KARAKHAN PALACE.

Я остановилась под дождём и несколько секунд просто смотрела на здание.

Идти туда в моём виде было чистым безумием, верхом идиотизма. Меня должны были пинками вышвырнуть ещё на ступеньках.

Но выбора не оставалось. Мне нужно было тепло. Хотя на полчаса, хоть просто посидеть в вестибюле, пока не выгонят.

Сжав кулаки, я заставила негнущиеся ноги сделать шаг к дверям. Швейцар скользнул по мне взглядом — тяжёлым, цепким, задержавшись на моём лице чуть дольше положенного. Я уже приготовилась услышать грубое «*Get out*», но мужчина вдруг молча шагнул в сторону и придержал для меня створку.

Внутри пахло огромными, бешеными деньгами. Тёплый воздух пах дорогим древесным парфюмом, кожей и свежесваренным кофе. Под потолком переливались хрустальные капли гигантских люстр, пол из полированного мрамора отражал мягкий свет, а где-то в глубине холла еле слышно на-

игрывал рояль.

Я брела по этому стерильному блеску, оставляя за собой мокрые следы от стоптанных кед, и чувствовала себя бродячей собакой, забежавшей во дворец.

Стойка ресепшен была высечена из цельного куска чёрного камня. За ней стоял администратор — вылощенный мужчина лет тридцати в идеально сидящем тёмно-синем костюме. При моём приближении он оторвался от монитора, аккуратно поправил галстук и посмотрел на меня в упор. Ни капли безразличности. Ни тени удивления.

На его губах заиграла едва заметная, вежливая полуулыбка.

— Здравствуйте, — мой голос сорвался, прозвучав хрипло и жалко. Я вцепилась пальцами в край каменной стойки, потому что пол под ногами начал медленно плыть. — У меня украли всё. На пляже. Сумку, паспорт, деньги. Телефон сел. У меня есть безналичный счёт... я могу оплатить переводом. Пожалуйста, мне нужен самый дешёвый номер. Хоть коморка...

Мужчина спокойно выслушал мою сбивчивую речь, не перебивая. Затем опустил руки на стойку, сплёл пальцы и с безупречным русским произношением тихо произнёс:

— Добрый день. Вы госпожа Мия?

В воздухе словно выкачали весь кислород.

По затылку пробежал ледяной разряд, моментально спустившись по позвоночнику к кончикам пальцев.

— Откуда... — я отшатнулась на полшага. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

Администратор не дрогнул. Он протянул руку к стене, снял с магнитной панели чёрную матовую карту с золотым тиснением и плавно положил её на полированный гранит прямо передо мной.

— Ваш номер готов. Семьсот четвёртый. Вещи уже подняли в комнату.

— Какие вещи?!

Голос сорвался на визг, и несколько солидных постояльцев в лобби синхронно повернули головы в нашу сторону.

— Я ничего не бронировала! Кто за всё заплатил?!

Администратор вежливо наклонил голову, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то пугающе холодное.

— Владелец отеля. Он распорядился предоставить вам всё необходимое и передал просьбу: отдохните, госпожа Мия. Вы промокли. Лифт справа от вас.

Я тупо уставилась на чёрный пластик карты.

Karakhan Palace.

В голове одна за другой сложились детали пазла: Фамилия на фасаде. Моя сумка с паспортом, брошенная на мокрых камнях. Тот ледяной взгляд стрелка над обрывом.

Меня никто и не собирался искать по сырым подворотням. Зачем гоняться за бездомной собакой по чужому городу, если можно просто ждать, пока она сама приползёт в единственное открытое место? Они знали, что у меня нет ни

лиры, и просто расставили капкан.

Внутри всё орало: бросай карту и беги. Но бежать было некуда. На улице — дождь, холод и полное отсутствие шансов.

Я стояла посреди сияющего мраморного холла и впервые за всё время после побега поняла, что оказалась в ситуации, из которой не могу просто взять и уйти.

Я медленно взяла карту.

Двери лифта открылись.

Я вошла внутрь и нажала кнопку седьмого этажа.

Когда двери начали закрываться, я успела ещё раз увидеть своё отражение в зеркальной стене. Бледное лицо, мокрые волосы, грязная одежда, усталые глаза.

Вчера утром я думала, что сбежала из старой жизни. Теперь я добровольно поднималась в номер, оплаченный убийцей.

Клетка захлопнулась.

Только прутья на этот раз были не из маминого розового шёлка.

Они были сделаны из чистого, залитого кровью золота.

ГЛАВА 4. ДЕМИР

Я выехал на трассу, ведущую обратно в город.

За окном тянулась тёмная дорога, впереди мерцали редкие огни. Где-то позади остался берег, чёрная вода и несколько минут, за которые всё пошло совсем не по плану.

Задание было закончено.

Но одна деталь не давала мне покоя.

Девушка.

Кто она такая?

Я не знал её имени, не знал, откуда она приехала и почему оказалась там одна. Знал только одно — она меня видела. И видела достаточно.

Я не собирался её убивать. Она не сделала ничего, за что должна была умереть. Нужно было лишь найти её раньше, чем она успеет рассказать кому-нибудь о том, чего сама толком не понимала.

Город встретил меня привычным шумом и светом. Через несколько минут я уже подъезжал к дому и понимал: разговор с отцом неизбежен.

Я вошёл в дом и сразу направился в его кабинет.

Рагип был там.

Он стоял у тяжёлого камина, держа в руке стакан с виски. Даже в два часа ночи на нём был идеальный костюм. Ни следа усталости. Только холодный, буравящий взгляд, когда он

повернулся на звук шагов.

— Керем на дне? — голос отца прозвучал обманчиво спокойно.

— Да, — ровно ответил я, остановившись в паре шагов от стола. — Дело сделано.

— А девушка?

Я посмотрел на отца.

— Какая девушка?

Рагип внимательно посмотрел на меня.

— Та, что была на берегу.

“Сука. Уже доложили.”

— Она видела тебя. Видела Керема. Видела выстрел.

Несколько секунд я молчал.

Я уже знал, к чему он ведёт.

— Она должна исчезнуть, — спокойно сказал отец.

— Я найду её сам.

— Конечно найдёшь, — отрезал Рагип, впиваясь в меня взглядом. — И закроешь этот вопрос раз и навсегда. До полудня. Чтобы к двенадцати часам девчонка исчезла так же, как исчез Керем. Если ты не способен подчистить за собой дерьмо — мои люди сделают это за тебя.

Я молча встретил его взгляд. Ни один мускул на моём лице не дрогнул, хотя челюсти сжались так, что заломило зубы.

Я кивнул и вышел из кабинета.

Дверь за моей спиной закрылась.

Только оказавшись в пустом, полутёмном коридоре особ-

няка, я позволил себе выдохнуть.

— Блять... — вырвалось сквозь зубы глухо, с яростью.

Я со всей дури впечатал кулак в массивную дубовую панель на стене. Глухой треск дерева немного сбил тупую волну адреналина, но легче не стало. Суставы обожгло резкой болью, пальцы запульсировали.

Сжав разбитые костяшки в кулак, я быстрым шагом пошёл к выходу из особняка.

На улице сыпал мелкий, холодный дождь. Я сел во внедорожник, хлопнул дверью и достал телефон. Набрал начальника службы безопасности отеля.

Гудок. Второй

— Слушаю, господин Демир.

— Сумка у вас?

— Да. Паспорт гражданки России. Зовут Мия. Двадцать лет.

— Ориентировку на ресепшен. Без документов деваться ей некуда — сама придёт. Как появится, заселите в люкс и отдайте вещи. Не пугать.

— Если захочет выйти?

— Пусть выходит, — холодно ответил я. — Но глаз с неё не спускать... Любых людей моего отца отсекай ещё на подходе к отелю. И как только она появится на ресепшене — сразу доложить мне лично.

— Сделаем, господин Демир.

Я сбросил вызов и бросил телефон на соседнее сиденье.

Внедорожник плавно тронулся с места, разрезая фарами мокрый стамбульский асфальт.

Оставалось только ждать.

ГЛАВА 5. МИЯ

Я проснулась не от будильника, а от яркого, слепящего полосования по векам. Несколько секунд я тупо пялилась в белоснежный потолок, пытаюсь собрать мысли воедино. Огромная кровать, запах чистого хлопка и терпкий аромат миндаля, витающий в воздухе.

Я резко села. Сердце моментально ухнуло куда-то к желудку.

Вчерашний кошмар накрыл ледяной волной. Я вспомнила, как валилась с ног от усталости, как на ватных ногах поднималась сюда, мысленно готовясь к худшему — к засаде, вооружённым амбалам или самому стрелку со скалы. Но номер встретил меня идеальной, тихой пустотой. А на полированном комод у входа аккуратно стояла моя сумка.

Меня тогда затрясло так, будто в вену пустили жидкий азот. Я судорожно рванула молнию: паспорт лежал на месте, папина заначка пересчитана до последнего рубля, зарядка, наушники, одежда — всё цело. Они даже пальцем не тронули мои вещи. Просто вернули, молча дав понять: от них не спрятаться.

Тогда от дикой паранойи я заперла дверь на все щеколды, приставила к ней кресло и рухнула на постель прямо в чём была. Переутомление взяло своё — я вырубилась.

А сейчас за окном сияло солнце. Я встала, подошла к

панорамному окну и рывком раздвинула тяжёлые шторы. Стамбул словно подменили. Ни следа вчерашней серой хмари, ни капли промозглого дождя, который пробирал до костей. Небо над Босфором было пронзительно-лазурным, купола мечетей плавись в золотом свете, а город кипел звонкими криками чаек, гудками паромов и звенящей суетой. Город наконец-то встретил меня настоящим турецким теплом.

Внутри что-то щёлкнуло. Я больше не могла сидеть взаперти в этой роскошной духоте. Нужно было выйти наружу, вдохнуть морской воздух и своими глазами увидеть: меня держат под арестом или я всё ещё могу сделать шаг в сторону?

Я быстро приняла душ, смыв с себя липкий ужас последних двух суток, и подошла к сумке. Хватит с меня промокших грязных штанов и тёплой кофты. Я натянула свободные хлопковые шорты, простую белую майку и чистые белые кеды, а влажные волосы собрала на затылке крабиком.

Айфон на тумбочке показывал бодрые сто процентов заряда. Сунув его вместе с ключом-картой в карман шорт, я подошла к двери, глубоко вдохнула и нажала на ручку.

Коридор был пуст. В лифте играла тихая музыка.

Когда я спустилась в залитое солнцем мраморное лобби, администратор за стойкой лишь вежливо склонил голову, одарив меня безупречной дежурной улыбкой.

Швейцар снаружи с полупоклоном толкнул массивную стеклянную дверь, впуская меня в тёплый, нагретый солн-

цем день. Никакой охраны. Никаких преград.

Меня действительно выпустили.

На улице стояла приятная, ласковая жара, пахло жареной рыбой, специями и сладкой уличной выпечкой. Я свернула с парадного проспекта в тихий, мощёный светлым камнем переулок, усыпанный сувенирными лавками и кашпо с цветами, и почти сразу наткнулась на небольшое кафе с открытой террасой.

Столики стояли прямо в тени больших зелёных деревьев. Я села за круглый столик у кованой ограды, подставила лицо мягкому солнцу и заказала официанту холодный кофе со льдом.

Когда передо мной поставили запотевший стакан, я сделала первый глоток и почувствовала, как окаменевшие от стресса плечи наконец-то опускаются. Тёплый ветер трепал пряди у висков, открытые плечи приятно грело солнце. Казалось, ночной кошмар на скале начал тускнеть, отступая куда-то на задворки памяти. Я сижу на залитой солнцем улице, пью кофе, и я в порядке...

— Девушка, а почему одна грустим?

Всё мгновенно оборвалось.

Я медленно подняла голову.

У ограды террасы переминались двое парней лет под тридцать. Наглые, с полурасстёгнутыми рубашками и липкими взглядами. От них разило дешёвым пивом и чужой самоуверенностью. Местные или приезжие — без разницы, по

сальным ухмылкам всё было понятно без перевода.

Я промолчала и демонстративно отвернулась к своему стакану. Ввязываться в уличный срач хотелось меньше всего.

Один из них — невысокий, с мутными глазами — расценил моё молчание по-своему. Он без спроса выдвинул соседний стул и плюхнулся прямо напротив меня, перегородив проход:

— Мы просто хотим познакомиться. Чего такая колючая?

— А я просто хочу кофе, — отрезала я, глядя ему прямо в переносицу.

— Да ладно тебе, русская, да? — загоготал второй, нависая надо мной со спины.

Первый вдруг резко потянулся через стол. Его влажные пальцы с силой сомкнулись на моём голом запястье. Хватка была цепкой, как железные клещи.

— Пойдём прогуляемся, город покажем...

Внутри всё похолодело. Я дёрнула руку, но он сжал её ещё сильнее.

— Отпусти.

Слово прозвучало негромко. Без крика. Но с такой сокрушительной, глухой тяжестью, что воздух вокруг столика словно вымерз в одну секунду.

Тот, что держал меня за руку, замер.

Я вскинула глаза.

За спиной нападавшего выросла высокая фигура. Незнакомец в тёмной расстёгнутой рубашке, идеально сидящих

брюках и с короткой аккуратной бородой. Он стоял, опустив руки в карманы, пугающе спокойный, словно перед ним были не двое здоровых мужиков, а пустые стаканы.

Парень за моей спиной медленно повернулся, набычившись:

— А ты кто такой вообще? Вали отсюда.

Мужчина даже бровью не повёл. Его голос прозвучал с ледяной, вежливой твёрдостью:

— Человек, который просит один раз.

Что-то в его тоне и развороте плеч заставило пьяную спесь парней мгновенно испариться. Второй дёрнулся было вперёд, пытаясь расправить плечи, но незнакомец лишь чуть сместился — одно короткое, выверенное движение корпуса, перехваченное запястьё, сухой треск вывернутых пальцев.

Мужик глухо взвыл, согнувшись пополам. Незнакомец просто отшвырнул его назад, даже не вынимая второй руки из кармана.

Никакой драки. Никакого шума. Чистая, подавляющая сила.

— Пошёл вон, — не повышая тона, бросил он.

Парня, державшего меня, словно током ударило. Он отпустил мою руку, попятился, подхватил шипящего от боли дружка за плечо, и они оба торопливо, спотыкаясь о стулья, потащились прочь с террасы.

Вокруг снова стало тихо. Только тёплый ветер шевелил листву над головой. Я осталась сидеть за столиком, прижи-

мая к себе запястье. Сердце бешено колотилось в горле.

Мужчина медленно повернулся ко мне. Он сделал шаг ближе, внимательно, сканирующим взглядом скользя по моим открытым плечам, рукам, лицу.

— Ты цела? — негромко спросил он на чистом русском.

Я подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо.

Солнечный свет падал на его резкие, хищные скулы. Но зацепило меня не это.

Глаза.

Тёмные. Неподвижные. Тяжёлые, как свинец.

В памяти с грохотом рухнула стена. Вспышка: чёрный берег, грохот шторма, силуэт у обрыва и этот самый пронзительный взгляд сверху вниз, от которого кровь стыла в жилах.

Тогда всё тонуло в дожде и темноте, на стрелке была белая промокшая рубашка, а сейчас передо мной стоял мужчина во всём чёрном. Но взгляд... этот взгляд было невозможно забыть или спутать с другим.

Слова застряли комом в пересохшем горле. Я смотрела на него, не в силах оторваться, и тихо, одними губами вытолкнула:

— Этот взгляд мне знаком.

Воздух между нами натянулся, как струна.

Мужчина замер. На какую-то долю секунды его идеальное, непробиваемое спокойствие исчезло — зрачки чуть дрогнули, во взгляде мелькнуло напряжение. Он явно не

ждал этих слов.

Несколько бесконечных секунд мы молча смотрели друг на друга под шелест листвы.

Он ничего не ответил.

Не сказал ни слова. Просто развернулся и ровным, неторопливым шагом пошёл прочь с террасы.

Я осталась сидеть одна, глядя ему вслед. Пальцы подрагивали, а по спине, несмотря на полуденное солнце, медленно пополз ледяной холод.

Это был он. Сомнений не осталось.

...

На углу переулка Демир открыл дверь чёрного представительского седана и сел на заднее сиденье.

Машина плавно тронулась с места.

Сидевший впереди начальник охраны повернулся вполоборота, бросив короткий взгляд назад:

— Она вас узнала?

Демир повернул голову к тонированному стеклу.

В узкой рамке окна терраса кафе стремительно отдалялась. За круглым столиком под зелёными деревьями всё ещё сидела тонкая девичья фигурка в белой майке, неподвижно смотрящая на опустевшую улицу.

Повисла тяжёлая, давящая пауза.

— Не знаю, — тихо ответил Демир.

Машина вырулила на широкий проспект и скрылась в потоке, оставив позади залитый солнцем переулок.

ГЛАВА 6. МИЯ

К вечеру город за окном окрасился в глубокий синий цвет.

После утреннего происшествия на террасе кафе и внезапного появления того мужчины я долго не решалась вернуться в отель. Мне казалось, что если я снова переступлю порог номера, стены сожмут меня окончательно.

Я просто бродила по улицам, пытаюсь затеряться в бесконечной стамбульской толпе. Купила у уличного торговца горячий бублик с кунжутом, но смогла проглотить лишь пару кусков. Заходила в сувенирные лавки, бессмысленно разглядывала цветные стеклянные лампы, пила воду мелкими глотками и вздрагивала от каждого резкого звука скутера. Я тянула время как могла, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями.

Но с наступлением темноты город начал пугать ещё сильнее, и ноги сами привели меня обратно в «Karakhan Palace».

Теперь я сидела на краю огромной кровати в полумраке номера. Единственным источником света была настольная лампа, отбрасывавшая тёплый круг на полированное дерево тумбочки.

В голове всё ещё звенел низкий, холодный голос незнакомца: «*Ты цела?*» И эти глаза. Глаза стрелка со скалы, которые врезались мне в память намертво.

Внутри всё дрожало от накатившего бессилия и тоски по

дому. Я больше не могла вариться в этом одна. К чёрту гордость, к чёрту самостоятельность — мне нужно было услышать родной голос, понять, что где-то есть нормальный мир без трупов, мафии и пистолетов.

Я взяла с тумбочки телефон, разблокировала экран и открыла контакты. Нашла номер отца.

Палец уже завис над зелёной кнопкой вызова, когда экран внезапно мигнул.

Прямо поверх контакта высветилось уведомление с незнакомого короткого номера:

«Не доверяй никому.»

Я перечитала сообщение ещё раз.

Короткая фраза. Всего три слова.

Но после всего, что произошло, они звучали совсем не безобидно.

Я медленно опустила телефон на колени, сжимая его до побелевших пальцев.

Ни имени. Ни подписи.

Только сообщение.

— Почему ты вообще мне помогаешь?.. — тихо, в пустоту тёмной комнаты сорвалось с моих губ.

Но номер молчал. Только шелестел кондиционер под толком, напоминая, в какой изощрённой ловушке я оказалась.

Утро встретило город ярким, слепящим солнцем.

Оставаться в номере и сходить с ума дальше было выше

моих сил. Я натянула лёгкий сарафан, перекинула через плечо сумку и вышла на улицу.

Стамбул гудел и звенел. Мимо с грохотом проносился красный исторический трамвай, зазывалы у лавок кричали наперебой, в воздухе стоял плотный аромат свежесваренного кофе. Среди этого людского муравейника дышалось чуть легче.

Я свернула на колоритный открытый рынок, лавируя между рядами со специями, коврами и яркой керамикой. Купила у дедушки-торговца холодную бутылку воды, искренне улыбнулась ему в ответ на турецкое пожелание хорошего дня и сделала пару глотков, разглядывая расписные тарелки.

И тут мой взгляд случайно зацепился за фигуру впереди. Сквозь пёструю толпу туристов, метрах в пятнадцати от меня, у каменной стены стоял мужчина. Полностью в чёрном. Он говорил с кем-то по телефону, резко жестикулируя.

Сердце пропустило удар.

После той ночи меня буквально выворачивало от вида крепких мужчин в темной одежде. Казалось, что каждый второй в этом городе может быть связан с теми ублюдками с обрыва. Он даже не смотрел в мою сторону, продолжая что-то втолковывать в трубку, но липкий страх мгновенно сковал горло: а вдруг следят? Вдруг ищут?

Но проверить на себе, паранойя это или реальная угроза, не хотелось ни капли.

Улыбка сползла с лица. Я покрепче перехватила ремень

сумки, развернулась и быстрым шагом, стараясь не привлекать внимания, пошла прочь сквозь ряды с платками и лотками с фруктами прямо в сторону отеля. В «Karakhan Palace» было страшно, но там хотя бы закрывались двери номера и не было уличной толпы.

Я шла быстро, почти срываясь на бег, и перевела дух только тогда, когда впереди показался знакомый монументальный фасад из светлого камня с золочеными вывесками.

Подниматься сразу на седьмой этаж сил не было — сердце колотилось где-то в горле, а в висках стучала кровь. На первом этаже отеля, в тени высоких стеклянных арок, располагался просторный лаунж-бар с выходом на внутреннюю зеленую террасу. Здесь было прохладно, тихо, пахло дорогим парфюмом и свежими цветами.

Я юркнула за ближайший круглый столик у панорамного окна, бросила сумку на соседнее кресло и прижала ладони к горящему лицу, пытаюсь выровнять дыхание.

Официант бесшумно подошел и поставил передо мной запотевший стакан с водой и чашку кофе. Я сделала пару судорожных глотков, чувствуя, как отпускает спазм в груди. Всё в порядке. Я дошла. Никто за мной не гнался.

Я медленно выдохнула, откинулась на спинку кресла и подняла голову.

Взгляд скользнул по полупустому залу — и замер. Через столик от меня, у широкой мраморной колонны, сидел он.

Белая рубашка с небрежно закатанными до локтей рука-

вами, тёмные брюки, расслабленная, но абсолютно собранная поза. Перед ним стояла крошечная чашка эспresso и лежали ключи от машины. Он был здесь всё это время. Он даже не смотрел по сторонам — словно просто коротал время в собственном холле.

Но стоило мне замереть, как он неторопливо повернул голову и встретился со мной взглядом. Ни удивления, ни суеты — лишь лёгкое, едва заметное движение брови.

Я уставилась на него, не в силах скрыть опешившее раздражение:

— Опять вы?

Мужчина спокойно отставил чашку и чуть наклонил голову:

— Похоже на то.

Его ровный, глубокий голос звучал так естественно, будто мы договорились о встрече ещё вчера.

Я прищурилась, чувствуя, как страх внутри начинает уступать место глухой злости:

— Вы меня преследуете?

Мужчина посмотрел мне прямо в глаза — абсолютно открыто, с той самой убийственной невозмутимостью:

— Если бы я вас преследовал, Мия, вы бы меня не заметили.

Я поперхнулась воздухом, на секунду растеряв весь свой запал от того, как легко он произнёс моё имя.

— Очень успокаивает, — саркастично выдохнула я, пы-

таясь скрыть растерянность.

И тут уголок его рта едва заметно дрогнул.

Он усмехнулся. Коротко, сдержанно, но в этой мимолётной полуулыбке на долю секунды исчезла маска хладнокровного монстра. Воздух между нашими столиками вдруг стал странно плотным, словно натянулась невидимая струна.

Я замерла, глядя на его профиль, и мой взгляд случайно опустился на его шею.

Ворот белой рубашки был расстёгнут на две верхние пуговицы. Из-под тонкой светлой ткани на загорелую кожу поднимались чёткие, чёрные контуры татуировки — острый орнамент, уходящий за линию челюсти.

Я уже видела эту татуировку раньше.

Не здесь. На берегу.

Значит, я не ошиблась.

В памяти мгновенно вспыхнула та ночь. Мокрые камни. Силуэты людей. Его рука с оружием.

Выстрел.

И тело человека, рухнувшего в воду.

Пальцы сами собой сжались на краю стола.

Мужчина мгновенно уловил перемену. Взгляд снова стал сканирующим, тяжёлым:

— Что случилось?

Я судорожно втянула воздух и резко отвела глаза, уставившись в свою чашку:

— Ничего.

Голос предательски дрогнул. Он ничего не сказал, но я почувствовала, что он заметил перемену.

От этого захотелось исчезнуть ещё быстрее.

Не дожидаясь продолжения, я схватила сумку, вскочила из-за стола и почти бегом направилась к лифтам, оставляя его одного посреди зала...

Только в лифте я позволила себе на секунду закрыть глаза. Забежав в свой номер, я с силой захлопнула дверь, повернула защёлку и привалилась к ней спиной, пытаясь протолкнуть воздух в сжавшиеся лёгкие.

В комнате стоял густой сумрак — солнце уже скрылось за соседними зданиями.

Я сделала пару шагов вперёд и застыла. На белоснежном покрывале посреди заправленной кровати лежал аккуратный белый конверт.

Никаких надписей. Идеально чистый прямоугольник плотной бумаги.

Горло перехватило. Сюда заходили. Пока я ходила по рынку, пока с дрожащими руками пила кофе внизу... кто-то спокойно открыл мою дверь.

На негнущихся ногах я подошла к постели. Дрожащими пальцами подняла конверт, надорвала край и вытряхнула содержимое на ладонь.

Глянцевая фотография. На снимке была я.

Лёгкий сарафан, сумка через плечо, торговые ряды рынка за спиной. Я стою у прилавка, улыбаюсь продавцу и держу

в руке бутылку с водой. Снято сегодня утром. Через толпу, украдкой.

Меня вели от самого отеля.

Слабеющей рукой я перевернула карточку обратной стороной.

Поперёк белого картона размашистым, острым почерком чернели слова:

«Ты зря приехала в Стамбул.»

Фотография задрожала в пальцах.

В голове всё смешалось в дикий, отравляющий узел. Мужчина внизу в баре... Его расстёгнутая рубашка... Татуировка... Сообщение «Не доверяй никому»...

“Он играет со мной”.

Сначала спасает, пишет про доверие, а сам сидит внизу с чашкой кофе и тянет время, пока его люди фотографируют меня на улице и подбрасывают угрозы в запертый номер. Чтобы сломать меня, запугать, показать, что выхода нет.

Всю ночь я так и не смогла уснуть. Сидела на краю кровати, вцепившись пальцами в глянцевый край снимка, глядя, как синяя ночная тьма за окном медленно выцветает в рассветный туман. Кондиционер монотонно гудел под потолком, а внутри меня что-то выгорало. Страх, сковывавший горло последние дни, постепенно сменялся тупой, пульсирующей злостью.

Когда солнце наконец озарило купола города, я встала с постели и подошла к зеркалу.

В отражении на меня смотрела девушка с бледной кожей и тенями под глазами, но во взгляде больше не было паники загнанного зверька.

Я умылась ледяной водой, поправила светлый сарафан и аккуратно убрала снимок в карман своей сумки.

Они думают, я забьюсь в угол и буду тихо ждать расправы? Думают, я удобная мишень?

Глядя прямо в глаза собственному отражению, я криво усмехнулась:

— Ну хорошо. Посмотрим, кто кого.

ГЛАВА 7. ДЕМИР

Утренний эспрессо горчил сильнее обычного.

Я сидел в лаунж-баре на первом этаже своего отеля за привычным столиком у мраморной колонны, глядя сквозь панорамные окна на залитую солнцем набережную. В холле тихо играла музыка, вышколенный персонал бесшумно скользил между креслами, пахло дорогим парфюмом и свежей выпечкой. Всё выглядело безупречно, респектабельно и нерушимо.

И эта видимость контроля меня вполне устраивала.

Срок, который дал отец, истёк ещё позавчера в полдень. Рагип требовал, чтобы случайной свидетельницы не стало в живых в первые же сутки. Третий день девчонка всё ещё дышала, спала на накрахмаленных простынях и пила кофе.

Я знал, на какой риск иду, открыто саботируя приказ семьи. Но здесь, в стенах «Karakhan Palace», я чувствовал себя неуязвимым. Это была моя территория. Моя крепость. Каждый метр охранялся моими людьми, каждая дверь подчинялась моим терминалам. Отец мог рвать и метать у себя в особняке, но сунуться сюда без спроса не рискнул бы даже он.

Пока эта девчонка оставалась в отеле, под моим крылом, ей ничего не угрожало. Я держал руку на пульсе и мог спокойно потягивать утренний кофе, продумывая, как вывезти

её из страны и закрыть этот вопрос.

Единственное, что не давало покоя — вчерашний день.

Тот взгляд, которым она уставилась на мою шею, на чёрный контур татуировки... Она всё поняла.

Она считает меня палачом, который держит её взаперти перед казнью.

Пусть. Чем сильнее она боится, тем осторожнее будет сидеть в номере. Главное — в безопасности.

Двери центрального лифта с мягким звоном разъехались.

Я машинально поднял глаза от чашки — и замер.

Она.

Светлый сарафан, сумка через плечо, вздёрнутый подбродок. Никаких слёз, никакой паники. Она не пряталась под одеялом. Она шла через холл прямо к моему столику — стремительно, решительно, разрезая прохладный воздух зала так, будто за ней стояла целая армия, а не пустой номер на седьмом этаже.

Я не шелохнулся. Лишь медленно опустил чашку, сдерживая лезущее наружу ошеломление.

Она подошла вплотную, остановилась над моим столом и смерила меня тяжёлым, невозможным взглядом.

— Опять вы? — поинтересовался я, чуть приподняв бровь.

— А что? Столик ваш? — без тени сомнения парировала она.

Уголок моих губ дрогнул. Откуда в этой хрупкой туристке

столько наглости?

Не дожидаясь ответа, она опустилась в кресло напротив. Наклонилась ближе, положив руки на край стола. Наглости ей было не занимать. Ещё вчера она едва держалась на ногах от страха, а сегодня сама пришла выяснять со мной отношения.

Мия не спеша расстегнула замок сумки. Вытащила белый прямоугольник и двумя пальцами, словно сдавала карту в казино, толкнула его по полированному дереву прямо к моей чашке:

— Это ваше? — вкрадчиво, с ядовитой бархатной улыбкой поинтересовалась она.

Я невольно задержал на ней взгляд на секунду дольше, чем следовало, и тут же опустил глаза.

Снимок. Она на рынке. Бежевый сарафан, бутылка воды, улыбка сквозь толпу.

Мои люди не делали этого кадра.

Это почерк псов Рагипа.

Моя неприступная крепость, в которой я так самодовольно обещал себе держать её в безопасности, оказалась вскрыта, как консервная банка. Пока я вальяжно цедил эспрессо и тешил своё эго, шакалы отца уже примеряли удавку на её шею. От осознания того, насколько близко смерть подошла к этой несносной девчонке, я почувствовал, как внутри поднимается холодная злость.

А она сидела передо мной. Наклонив голову, подперев

подбородок ладонью, и с лёгким прищуром ждала, как я начну выкручиваться.

— Где вы это взяли? — голос прозвучал глуше, чем я хотел. Слишком сухо. Слишком тяжело.

Мия даже брови не повела. Наоборот, её улыбка стала ещё более ядовитой:

— В своём номере.

Она была уверена, что это мой дешёвый спектакль. Думала, я запугиваю её, чтобы сделать послушной.

И разубеждать её было нельзя. Узнай она правду о людях отца, начнётся слепая паника. Пусть лучше ненавидит меня одного — так она хотя бы останется в поле зрения.

Мне хотелось встряхнуть её за плечи и заставить наконец понять, насколько всё серьёзно. Эта девчонка понятия не имела, насколько близко подошла к опасной черте.

И при этом умудрялась спорить со мной так, будто мы находились не в центре истории, где люди реально могли погибнуть, а на обычной перепалке.

Это раздражало.

И почему-то заставляло продолжать разговор.

Я медленно подался вперёд, сокращая расстояние между нами до нескольких дюймов, и заглянул ей прямо в зрачки:

— Тебе стоит быть осторожнее, Мия.

Она даже не моргнула. Наоборот, во взгляде вспыхнуло торжество:

— Мне это уже говорили.

— И ты, конечно, не слушаешь?

— Какая догадливость, — протянула она с вызовом, глядя мне прямо в губы. — Мужчины вечно преувеличивают свою значимость.

Я почувствовал, как внутри поднимается злость на людей отца.

— Ты понимаешь, что играешь с огнём?

Мия не отшатнулась. Наоборот, нарочито медленно протянула пальцы, коснулась снимка и придвинула его обратно к себе. Кончики её пальцев на миг обожгли тыльную сторону моей руки.

— Конечно, понимаю. Я умею читать, — она убрала снимок в сумку и наклонилась ко мне вплотную. — Передай тому, кто это написал... — она сделала короткую, звенящую паузу. — Он не на ту напал.

В воздухе между нами затрещало напряжение. Она искренне считала, что ставит меня на место. Я позволил ей так думать. Если для неё я сейчас был главным врагом — пусть. Гораздо безопаснее, чем если она узнает, кто на самом деле стоит за этой фотографией.

— А если он не поймёт? — тихо, с опасным прищуром спросил я, продолжая играть роль её личного палача.

— Объясню, — отчеканила она. — Я терпеливая.

Я не выдержал. Глухой смех вырвался из груди сам собой — скорее от нервов и облегчения, чем от веселья.

Невероятно.

Она действительно решила, что может вот так просто бросить мне вызов.

Мия резко поднялась со стула, подхватила сумку и зашагала к стеклянным дверям выхода на улицу. Ни капли страха в походке — только победное торжество.

— Мия.

Она обернулась через плечо, вопросительно изогнув бровь:

— Что?

— В следующий раз не ходи одна.

Она смерила меня насмешливым взглядом, в котором блеснула дерзкая искра:

— А ты будешь рядом?

Я промолчал.

— Так и думала, — хмыкнула она и вышла под утреннее солнце.

Стоило стеклянной двери закрыться за её спиной, как улыбка слетела с моего лица.

Оно застыло каменной маской. Я вытащил телефон, резко набил номер начальника службы безопасности отеля и прижал трубку к уху.

— Слушаю, Демир-бей, — раздался напряжённый голос начальника охраны.

— Найдите того, кто оставил записку.

Прошло всего несколько минут, а мне казалось — целая вечность, как раздался звонок.

— Нашли? Кто? — прорычал я.

— Человек вашего отца.

Я медленно перевёл взгляд на улицу через стекло. Вдалеке, среди прохожих, всё ещё мелькал светлый сарафан Мии.

Рагип не поверил мне ни на секунду и пустил своих шакалов прямо в моё логово. Это была открытая пощёчина.

— Демир-бей, что делать? — осторожно спросил начальник охраны.

— Никому её не трогать, — глухо приказал я, сжимая в кулаке ключи от машины.

— А что делать с ним?

— Отпустите, — глухо бросил я. — Пусть бежит к хозяйину.

— Демир-бей?.. — растерялся начальник охраны.

— Я сам поговорю с отцом.

Я сбросил вызов и сунул телефон в карман.

В груди поднимался глухой, холодный гнев. Отец переступил черту, зайдя на мою территорию, и если я проглочу это сейчас — дальше контролировать ситуацию станет невозможно. Пора дать понять его цепным псам, что совать нос в мои дела смертельно опасно.

ГЛАВА 8. МИЯ

К вечеру в глазах рябило от экрана.

Весь день после утренней стычки в лаунж-баре я носилась по городу как ошпаренная. Считать себя крутой перед мафиози было легко, пока карман грела папина заначка. Но лиры таяли с пугающей скоростью. Жить в «Karakhan Palace» бесконечно я не могла. Нужно было срочно зацепиться за работу, снять хоть какую-то квартирку на окраине и свалить от этого человека куда подальше.

Я возвращалась в отель вымотанной, с гудящими от усталости ногами. Чтобы срезать петлю на набережной, нырнула в узкий глухой проулок между высокими каменными стенами старых домов.

Всё заняло ровно три секунды.

Я даже не поняла, откуда они взялись. Из слепой зоны, из-за угла трансформаторной будки — резкая тень, тяжёлый рывок за плечо назад.

Я открыла рот, чтобы заорать, но в лицо уже намертво впечаталась плотная, влажная ткань. В нос ударил едкий химический запах — такой резкий, что глаза мгновенно заслезились. Я попыталась задержать дыхание, но ядовитый воздух уже обжёг горло, и в голове зашумело.

Мир перед глазами дико крутанулся, глухо хлопнула автомобильная дверь — и я камнем провалилась в чёрную пу-

стоту.

Холод.

Первое, что вернулось — леденящий, пробирающий до костей холод бетона. В висках пульсировала дурнота, язык казался распухшим куском резины.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась от резкого света голой лампы, свисавшей с потолка на оголённом проводе.

Подвал.

Сырые блочные стены с тёмными потёками, запах машинного масла, застарелой ржавчины и сырой земли. Ни окон, ни решёток. Я сидела на деревянном стуле прямо посреди комнаты. Руки за спинкой намертво стягивала грубая верёвка.

Желудок скрутило ледяным спазмом, во рту встал кислый привкус чистой паники. Я задёргалась, пытаясь ослабить узлы, но пенька лишь глубже впилась в кожу, раздирая запястья до жгучей боли. Меня привезли не пугать. Не торговаться. Сюда привозят только с одной целью.

Снаружи заскрежетал тяжёлый засов.

Металлическая дверь со стоном распахнулась, и в подвал шагнули двое.

Плечом к плечу.

Слева стоял пожилой мужчина с хищным лицом, в безупречном тёмном пальто и с массивной тростью в руках. А справа...

Справа стоял он.

Спокойный, пугающе собранный, с короткой тёмной ще-

тиной. Лицо — застывшая гранитная плита, на которой не читалось абсолютно ничего.

Внутри всё с оглушительным треском рухнуло.

Они стояли рядом — старый хищник и молодой. Хозяин отеля и какой-то криминальный авторитет. Вся хрупкая иллюзия того, что этот мужчина в отеле вёл со мной какую-то свою странную игру, разлетелась в пыль. Всё это время они просто загоняли меня в ловушку сообща.

Старик окинул меня брезгливым, оценивающим взглядом и глухо стукнул набалдашником трости о бетон:

— Вот и она.

Он повернул седую голову к мужчине рядом с собой:

— Всю работу пришлось сделать за тебя, **Демир**.

Демир.

Имя хлестнуло по ушам, как пощёчина. Вот как тебя зовут. Демир. Хозяин отеля. Человек со скалы.

Демир стоял неподвижно, засунув руки в карманы брюк. Он даже не моргнул. Его чёрные, непроницаемые глаза буравили меня насквозь.

Старик медленно расстегнул пальто. Не глядя на меня, он достал из внутреннего кармана тяжёлый воронёный пистолет. Металл тускло блеснул под лампой.

— Закрой этот вопрос, — процедил он, протягивая оружие. — Лично.

Воздух в подвале мгновенно вымерз.

Я смотрела на чёрный ствол, и перед глазами вспыхнула

ночная скала. Только теперь всё это предназначалось мне. Здесь и сейчас. Без свидетелей.

В горле встал ком. Сердце колотилось так, что рёбра трещали. Я подняла глаза на Демира — связанная, беспомощная, смотрящая снизу вверх в лицо своему палачу.

— Это был ты?.. — сорвалось с моих губ надтреснутым, почти неслышным шёпотом.

Демир не ответил. На его скулах на доли секунды заходили желваки, но лицо осталось гранитом.

Старик, видя, что тот не берёт оружие, с глухим стуком опустил его на ржавую бочку и процедил:

— Ты знаешь, что бывает, когда приказы игнорируют.

В голосе Демира зазвучал чистый, не знающий сомнений свинец:

— Я не буду её убивать.

Брови старика сдвинулись. В воздухе запахло порохом:

— Что?

Демир выдерживал паузу:

— Более того...

Он повернул голову в мою сторону. Наши взгляды скрестились:

— Мы с ней поженимся.

«Прости, что?»

У меня перехватило дыхание. В голове замкнуло так, что пропали все мысли. *«Что он только что сказал?! Какая, к чёрту, свадьба?!»*

Старик застыл на месте. Его лицо вытянулось в чистейшем, немом ошеломлении. Он посмотрел на Демира так, словно тот заговорил на мёртвом языке:

— Ты сошёл с ума?

Демир даже глазом не моргнул. Он спокойно забрал пистолет с бочки и сунул его за пояс собственных брюк:

— Семью мы не убиваем. Ты сам учил меня законам Ка-раханов.

Слова повисли в воздухе тяжёлым, невыносимым грузом.

Я смотрела на них двоих и не понимала ровным счётом ничего. Это походило на какой-то сюрреалистичный бред, театр абсурда. Почему этот парень говорит о свадьбе со мной? И почему грозный босс клана, секунду назад требовавший пустить мне пулю в лоб, вдруг оцепенел?

Я видела, как в глазах седовласого мужчины закипает бешеная, удушливая ярость, но он ничего не сделал. Он просто буравил Демира взглядом, натыкаясь на глухую, непробиваемую стену. Какая-то невидимая мне черта, которую старик не посмел переступить.

Несколько мучительных секунд он тяжело дышал, сжимая трость побелевшими пальцами так, словно хотел переломить её пополам. Затем глухо сплюнул на бетон, резко развернулся и зашагал к выходу.

Тяжёлая железная дверь с оглушительным грохотом хлопнулась за ним.

Мы остались одни.

В подвале повисла густая, давящая тишина. В ней отчётливо слышалось только моё рваное, сбитое дыхание.

Я заставила себя поднять глаза от запылённых носков его кожаных туфель.

Демир стоял в паре шагов от меня, привалившись плечом к металлической балке. Слишком собранный, пугающе неподвижный среди этого полуразрушенного бетона. Заткнутый за пояс тяжёлый ствол казался продолжением его тела — привычным, естественным. Ни суеты в движениях, ни тени сомнения на резком лице.

В груди что-то предательски ёкнуло, сбивая панический пульс.

Я сглотнула подступивший к горлу ком и через силу вскинула подбородок:

— Значит... я правильно поняла? — голос предательски сипел, но я упорно держала зрительный контакт. — Ты сейчас сказал тому мужчине, что мы поженимся?

Демир оттолкнулся от балки и сделал шаг вперёд. Ни намёка на усмешку на чётко очерченных губах:

— Да. Отцу.

«Вот и с семьёй уже познакомились», — нервно пронеслось у меня в голове.

— А спросить меня, конечно, никто не догадался?

Пальцы за спинкой стула нервно впились в ладони. Несмотря на ледяной воздух и пережитый кошмар, во мне снова проснулась эта дурацкая, защитная ярость.

— Это не обсуждается, — ровно отрезал он.

— Очень удобно, — выплюнула я, чувствуя, как от его немигающего взгляда внутри всё стягивается в тугой узел.
— Решать за других у вас, видимо, семейное.

Демир шагнул вплотную. Опустил голову, накрывая меня своей тенью. Его зрачки в тусклом свете лампы казались абсолютно чёрными. Пространство между нами сжалось до пары дюймов — так близко, что воздух вдруг стал обжигающе горячим:

— Осторожнее.

В его глухом, низком голосе было столько скрытого электричества, что у меня перехватило дыхание. Вся спесь мгновенно осыпалась. Я прикусила губу и инстинктивно вжала голову в плечи:

— Я... просто сказала.

Он ничего не ответил. Лишь задержал на мне тяжёлый, давящий взгляд и молча обошёл мой стул.

Когда он опустился на одно колено позади меня, сквозь застарелый запах машинного масла долетел его парфюм — горький кардамон, нагретая кожа и табак.

Щёлкнуло лезвие складного ножа.

Его пальцы — сухие, горячие — скользнули по содранной коже моих запястий. Меня прошибло током, я жадно втянула воздух сквозь зубы и замерла, боясь даже дышать. Он действовал быстро, уверенно: один точный срез, второй — и узел распался.

Верёвка глухо шлёпнулась на бетон.

Я тут же подскочила на ноги, отшатнувшись назад, и принялась лихорадочно растирать горящие следы, пока спина не упёрлась в холодную металлическую бочку.

— И что теперь? — спросила я, надеясь, что мой голос не выдаёт дрожи.

Демир выпрямился во весь рост, убирая нож обратно в карман. Его взгляд ощутимо скользнул по моей шее, растрёпанным прядям и снова пригвоздил к месту моё лицо:

— Теперь ты поедешь со мной.

— Куда?

— В безопасное место.

Я издала нервный, злой смешок, скрестив руки на груди:

— После того, как меня с тряпкой на лице затащили в подвал, слово «безопасное» звучит потрясающе убедительно.

Демир развернулся всем корпусом, заслоня дверной проём. Спокойный. Непроницаемый:

— Если бы я хотел твоей смерти, Мия, ты бы сейчас здесь со мной не разговаривала.

Слова упали ровно и твёрдо. Никакой рисовки, никакой драмы — голый, неоспоримый факт. И крыть мне было абсолютно нечем.

— Логично... — едва слышно буркнула я себе под нос, отводя глаза и чувствуя, как к щекам предательски приливает жар.

Он толкнул тяжёлую металлическую створку:

— Идём.

Но ноги словно приросли к полу. Я осталась стоять посреди тусклого жёлтого круга света:

— А если я не пойду?

Демир оглянулся через плечо. На долю секунды в глубине его глаз мелькнуло что-то похожее на саркастичную усмешку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.